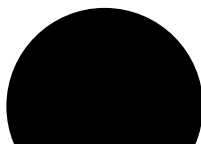

СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ

Партнер проекта

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

КИРИЛЛ СОЛОВЬЕВ

СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КЛАСС РОССИИ:
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 329.12(47+57)«189/1917»

ББК 63.3(2)53 52

С60

Редактор серии Д. Споров

Соловьев, К.

С60 Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение / Кирилл Соловьев. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 344 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

ISBN 978-5-4448-2149-7

После Первой революции Россия вступила в новый — короткий, но важный — период своей истории. В последние десять лет существования Российской империи в стране был парламент, неподцензурная пресса, легальные партии, а значит — публичная политика. Круг людей, которые пытались профессионально ей заниматься, в значительной мере был представлен партией «Союз 17 октября», оказавшейся на правом фланге российского либерализма. Среди октябристов, непосредственно влиявших на политическую жизнь того времени, были лидеры земского движения, крупные предприниматели, бывшие высокопоставленные чиновники, известные юристы и историки. Кто же они? Какие идеи разделяли? Кого представляли? Как выстраивали отношения с обществом и правительством? Как их пример помогает понять, что такое политика и кто такой политик сто лет назад? Через историю этой партии автор рассказывает о думском периоде в истории Российской империи — времени, когда начала складываться та Россия, которая так в итоге и не состоялась. Кирилл Соловьев — доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», специалист по политической истории России XIX — начала XX веков.

УДК 329.12(47+57)«189/1917»

ББК 63.3(2)53 52

В оформлении обложки использованы фотография Таврического дворца К. К. Буллы (1900-е), открытка с фотографией А. И. Гучкова и первая страница газеты Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства и Столичной полиции от 18 октября 1905 г.

© К. Соловьев, 2023

© Ю. Никоненко, иллюстрации, 2023

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

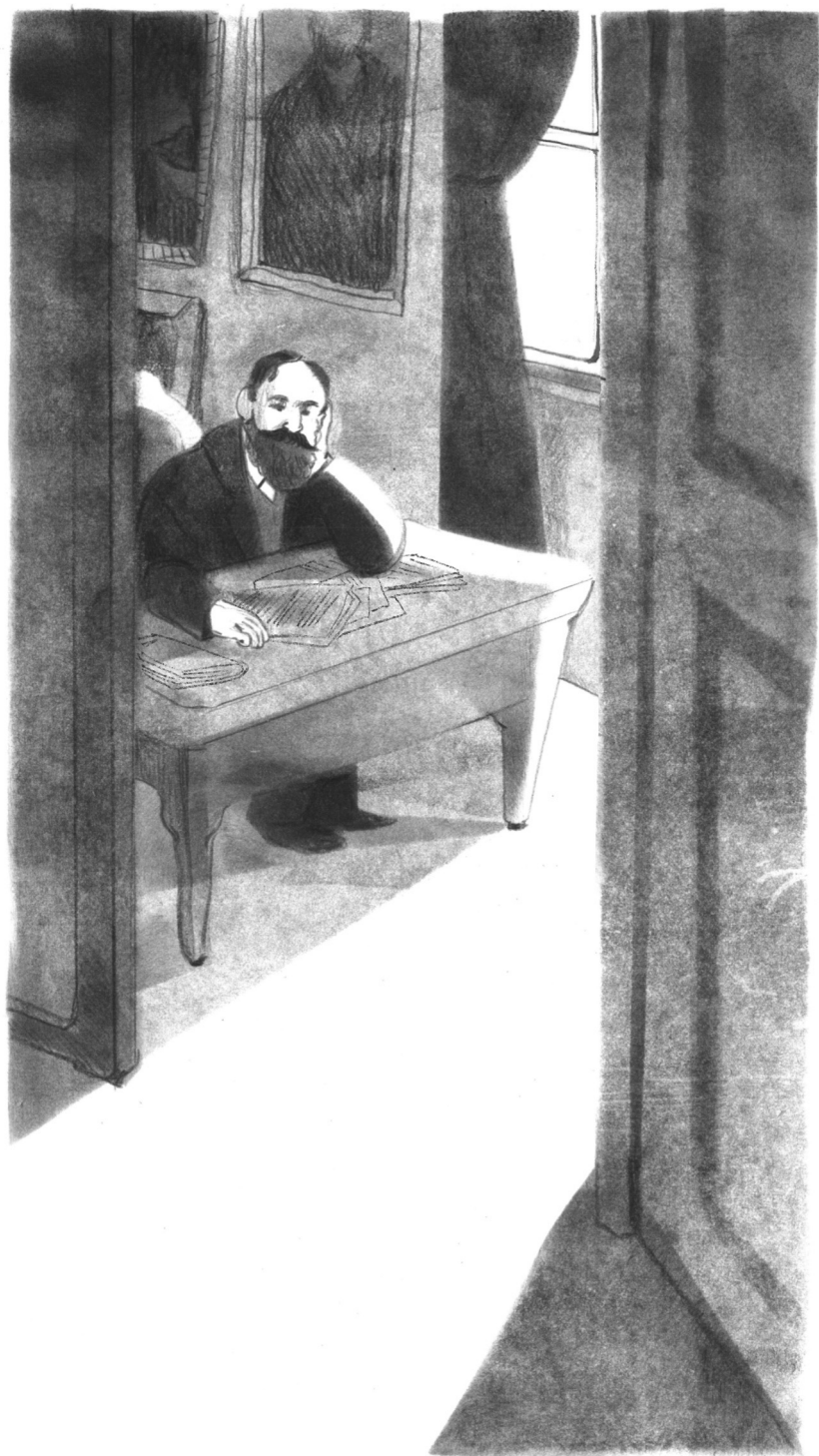
СОДЕРЖАНИЕ

Истоки	7
Москва	35
Земцы	44
Дрожащая земля	55
Манифест 17 октября	69
Союз	96
Партия пропавшей грамоты	111
Партия на местах	127
Выборы	133
Столица	143
Думская рутина	154
Дорога к Таврическому	161
Александр Гучков	169
Фракция	190
Законотворцы	208
Человек-Дума	215
Председатели	224
В оппозиции	250
Консервативное лицо октябризма	258
Столыпин и октябристы	272
Докладчик по аграрному вопросу	301
Печать	313
Политический класс	319
Итоги	333
Краткая библиография	343

ИСТОКИ

«Б. Н. Чичерин представляется мне самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских, а, может быть, и европейских ученых настоящего времени», — замечал философ Вл. Соловьев. Современники могли не соглашаться с Чичериным, но неизменно почитали его. Он был автором монументальных трудов, мимо которых трудно было пройти. Его многотомная «История политических учений» — уникальное, по крайней мере по масштабу задуманного, сочинение. Поразительно, что автор этого титанического труда, охватившего политическую мысль за много веков ее эволюции, — один человек. И он был не только кабинетным ученым. Это московский городской голова, избранный в 1882 году и под давлением обстоятельств оставивший свой пост в 1883 году. То стало платой за его мужественную речь, посвященную коронационным торжествам в старой столице: «Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает наше содействие, и когда этот зов последует, он не должен застигнуть нас врасплох, мы должны быть готовы».

Современниками легко читался намек на грядущую политическую реформу, о которой в правящих сферах на тот момент даже и не думали. Чичерин оставил должность и отправился в родное имение Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии,

один из центров «мыслящей России» XIX столетия. Там он занимался правоведением, историей, философией, социологией, политическими науками... Он разработал собственную модель атома. И это далеко не единственное, что его интересовало. Он предложил теорию периодического закона элементов, с которой согласился Д. И. Менделеев, написал труд «Опыт классификации животных». Чичерин был увлеченным коллекционером западноевропейской живописи. Это был человек удивительной широты интересов и вместе с тем поразительно одиночества. По словам философа Сергея Трубецкого, он был «с другой планеты». Он говорил «на особом языке» и не рассчитывал, что все его поймут. По оценке другого Трубецкого, Евгения, Чичерин был одиноким мыслителем, «который был не нужен России и был выброшен жизнью за борт, потому что был слишком кристально чист, слишком непоколебим, слишком ревностен».

Чичерин водил знакомство с крупнейшими европейскими учеными своего времени. Причем его интересовали и правоведы, и историки, и естествоиспытатели. В том числе этому была посвящена его поездка в Европу 1858–1861 годов. Помимо немецких и французских исследователей, Чичерин поставил себе задачу встретиться еще с одним человеком, чья деятельность занимала многих в России, — А. И. Герценом. Тот, будучи в Лондоне, владел умами соотечественников и не без успеха пытался оказывать влияние на Москву, Петербург, губернские города.

Чичерин недолюбливал Герцена, полагал его чересчур легковесным и легкомысленным. Встретившись, укрепился в своем мнении. У Искандера* был «ум, склонный к едкому отрицанию и совершенно неспособный постичь положительный строй вещей. В практических вопросах дело обстояло еще хуже». Они спорили и почти во всем расходились:

*Я говорил ему о значении и целях государства, а он мне отвечал, что Людовик-Наполеон** ссылает людей в Кайенну. Я говорил, что преступление должно быть наказано, а он отвечал, что решительно не понимает, каким образом учиненное зло может быть исправлено совершением такого же зла...*

Чичерин и тогда, и потом не боялся авторитетов. Он, вопреки мнению большинства современников, невысоко ставил труды А. И. Герцена и К. Маркса, весьма скептически оценивал сочинения Ф. М. Достоевского. Его крайне удивили восторги, вызванные «Пушкинской речью» последнего. Чичерин шел против течения и почти всегда оставался один.

Тогда в Лондоне встретились и разошлись два полюса русской общественной мысли. Они были совсем непохожи друг на друга. Оба гегельянцы, но разные. Оба говорили о свободе, но иначе. Оба имели смелость рассуждать по-своему, но шли в разные

* Псевдоним А. И. Герцена.

** Имеется в виду император Франции Наполеон III.

стороны. Герцен — это дионисийское начало русской общественной мысли, находившееся в безудержном поиске нового уклада жизни. Чичерин — это скорее аполлоническое начало, предпочитавшее степенный, но эволюционировавший порядок.

У Чичерина не было своей школы. Отчасти это объясняется тем, что он совсем недолго задержался на кафедре Московского университета (1861–1867). Однако об этом относительно скоротечном опыте вспоминал он сам, вспоминали студенты. Чичерин был сильным лектором, требовательным экзаменатором и при этом весьма благожелательным преподавателем. Его богатая библиотека была открыта для всех учащихся. В приемные дни он раздавал желающим собственные, порой редкие книги и еще более ценные комментарии.

Чичерин был либералом. Он ценил свободу, и свою, и других. Свобода в его понимании подразумевала независимость суждений, возможность и способность идти вопреки моде и общественному мнению. Чичерин не ориентировался на публику. Он и не был публицистом в полном смысле этого слова. Его сочинения, посвященные проблемам актуальной политики, были логическим продолжением научныхopusов. Чичерин во всем стремился быть доказательным и беспристрастным.

Хотя бы по этой причине чичеринский либерализм не мог быть политическим, а сам Чичерин не был политиком. Он не боролся за власть и даже не думал об этом. Он не считал нужным предлагать

свои взгляды в качестве основы программ будущих политических партий. Его либерализм не должен был кому-то понравиться. По крайней мере, сам Чичерин исходил не из общественных симпатий, а из анализа состояния социума и власти.

Чичерин, как и положено было человеку XIX столетия, был убежденным государственнымником. Для него вся история творилась государством, во благо государства, во имя его развития. Под этим углом зрения рассматривался любой сюжет мировой истории, российской — в особенности. Чичерин полагал, что весь путь, пройденный Россией, — это путь становления государства, от самых примитивных форм, основанных на элементарном насилии, до заметно более развитых, позволяющих расширять пространство свободы личности. Это обусловило социальное развитие страны. Концентрируя в своих руках очень скромные ресурсы, власть была вынуждена пойти на закрепощение человека. Несколько упрочив свое положение, она могла позволить себе начать процесс его раскрепощения. Это не могло случиться в один час. Маховик истории разворачивается не быстро. Раскрепостили дворян, потом купечество, духовенство, лишь затем встал вопрос о прочих сословиях империи, и прежде всего крестьянстве, составлявшем большинство населения страны. Это был путь одновременно и эволюции власти, и становления общества. В сущности, оно и создавалось правительством. Общество с неизбежностью было малочисленным и слабо организованным. Иным оно и не могло

стать. Общество только нащупывало почву под собой. Тем не менее оно поднималось, мужало, стараясь смотреть в глаза власти. Однако пока это был подросток, не готовый к взрослым играм в политику. В конце 1850-х годов швейцарский правовед И.К. Блюнчли познакомился с Чичериным, который поразил коллегу остротой беспощадной мысли. Он не строил иллюзий относительно предстоявшего возрождения России: «По его мнению, мощь русской земли заключается только в общем весе и тяжести широко раскинувшихся масс». К дворянству он не испытывал особого доверия. «Среднего сословия» и вовсе не существовало.

Чичерин полагал, что ко второй половине XIX столетия в России оформились две силы: порядка и анархии. Или — царь и народные массы. «В пространстве между ними — ничего прочного и устойчивого». Порядок представляла правительственная администрация, при всех своих многочисленных и вполне очевидных недостатках. К анархии подсознательно стремилось большинство населения страны. Оно не ценило существующий порядок, но явно тяготилось им. Образованное меньшинство оказалось сплюснутым между этими двумя силами. Чичерин взывал к разуму своего читателя: власть — естественный союзник общества. Ко второй половине XIX столетия путь реформ был еще не пройден. Критики не щадили Чичерина. Среди них был будущий охранитель М.Н. Катков, который пока стоял на заметно более радикальных позициях:

Правду говаривал покойник [Т.Н.] Грановский, что изучение русской истории портит самые лучшие умы. Привыкнув следить в русской истории за единственным в ней жизненным интересом — собиранием государства, невольно отвыкаешь брать в расчет все прочее, невольно пристращаешься к диктатуре и, при всем уважении к истории, теряешь в нее веру.

Чичерин не принимал идею демократии. В этом крылась характерная черта классического европейского (отнюдь не только российского) либерализма. Его сторонники противопоставляли демократию свободе. Им представлялось, что демократия — дитя Французской революции. Народовластие обернулось террором и диктатурой. Политический режим должен быть таким, чтобы гарантировать свободу человека, а не господство большинства над ним. Власть подразумевает ответственность и чувство меры. Она должна жить в историческом времени, представляя фундамент здания и перспективы государственного строительства. По этой причине Чичерин не доверял массовому избирателю, который всегда будет думать о сиюминутном, подталкивая к этому своему избранника.

В годы царствования Александра II Чичерин полагал ненужным торопить события. По его мнению, выборы в парламент — дело не завтрашнего, а послезавтрашнего дня. Должно было вызреть «среднее сословие», которого пока не было. Самодержавие же оставалось необходимым инструментом для

проведения широких реформ. Именно оно пока могло гарантировать свободы, а также наличие незначительного культурного слоя, возникшего усилиями все того же правительства. Так будет не всегда. Со временем «среднее сословие» все же возникнет, окрепнет и потребует участия в политической жизни.

Точка зрения Чичерина никого не устраивала: ни охранителей, ни радикалов. Одних он убеждал, что власть — это не синекура, это обязательство слышать глухую поступь истории. В противном случае открываются врата революции, виновником которой всегда оказывается действующее правительство. Других обвинял в легкомыслии: они даже не пытались вникнуть в логику исторического процесса. Они заигрывали с бездной, не понимая, чем это грозит.

Вместе с тем Чичерин не боялся меняться. В 1880-е годы он отказался от апологии самодержавия. По его оценке, правительство продемонстрировало интеллектуальную беспомощность на заре царствования Александра III. Оно перестало поспевать за временем. Это был кричащий признак необходимости политической реформы:

Идти рука об руку с властью не значит поступаться своими правами, а еще менее отречься от независимости своих суждений... Я уверен, что в интересах самой власти встречать перед собой не страдательные только орудия, а живые, независимые силы, которые одни могут дать ей надлежащую поддержку, ибо тот, кто способен стоять

за себя, может быть опорой для других. Поэтому нет хуже политики, которая стремится сломать всякое сопротивление. Действуя таким образом, власть воображает иногда, что она увеличивает свою силу, а между тем, она подрывает собственные основы и в минуты невзгоды она слишком поздно видит перед собой лишь надломленные орудия или встречает лишь глухую оппозицию, способную произвести брожение, но неспособную ничего создать.

О необходимости законодательного представительства Чичерин в полный голос скажет в преддверии XX века в брошюре «Россия накануне XX столетия»:

Законный порядок никогда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли и где каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыть себя высочайшим повелением. Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной. В этом и состоит истинное завершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет.

Либерализм изменчив и вариативен. Это не догма, а вопросы, не программы, а стиль поведения тех, кто их поддерживает. Либерализм начала и конца XIX века не слишком походят друг на друга. Эта

идеология имеет и национальные особенности. В этой связи вполне правомерно говорить об английском, французском, немецком, наконец, о российском либерализме. Это не отменяет того, что у любой идеологии есть неизменное, «инвариантное» ядро. У либерализма — тоже.

Как интеллектуальное течение (но пока еще не идеология) либерализм начал свое становление в Англии на рубеже XVII–XVIII веков. В основе его лежит представление о безусловной ценности прав личности и индивидуальной свободы, огражденной от государственного произвола. Либерализм традиционно основывается на представлениях о естественных правах человека, который не может быть их лишен даже по собственной воле. Английский философ Дж. Локк выделял три таких права: на жизнь, на свободу, на собственность. Впоследствии их список регулярно пересматривался. В частности, Т. Джефферсон в «Декларации независимости США» исключил право на собственность, заменив его правом на счастье (*pursuit of happiness*). На протяжении XIX–XX веков перечень прав, которые должны быть так или иначе гарантированы государством, видоизменялся и неуклонно расширялся. Вместе с ним менялся и западноевропейский и североамериканский либерализм. Однако логика, стиль мышления либерала оставались неизменными. Сохранялось незыблемым инвариантное ядро либерализма.

Прежде всего это обуславливалось «генеалогией» либеральной идеи. Она сложилась как реакция на

гегемонию концепции полицейского (регулярного) государства, которая безраздельно господствовала в европейской общественной мысли во второй половине XVII века. Эта интеллектуальная конструкция стала настоящим прорывом для своего времени. Фактически именно она обеспечила конституирование государства в современном понимании этого слова — в первую очередь в лексиконе европейского политика и мыслителя Нового времени. Такое государство не нуждалось в харизматическом лидере и даже теологическом обосновании. Оно должно было управляться посредством жестких регламентов, которые полностью механизировали всю систему управления, обеспечивая ей предельную эффективность. Их наличие позволяло упразднить средневековые привилегии — очевидные рудименты предыдущей эпохи. Вместо этого новая государственная власть могла требовать полного подчинения себе любого подданного, который должен был с максимальным напряжением трудиться во имя «общего блага».

Популярная концепция английского мыслителя Т. Гоббса (1588–1679) находилась в логической связи с идеологией и практикой полицейского государства. Гоббс полагал, что догосударственное существование человечества было «войной всех против всех». Конец ей был положен договором, согласно которому ничем не ограниченная власть вручалась суверену (абсолютному монарху). Именно он обеспечивал безопасность подданного, взамен лишая последнего всякой свободы.

Этот тотальный порядок не предусматривал даже постановки вопроса о правах человека, более того, он исключал сам диалог между управляющим и управляемым. Конечно, столь радикальное решение вопроса о власти можно было осуществить решительно и обстоятельно лишь в интеллектуальной сфере. О практическом воплощении этого идеала не могло быть и речи: материальные ресурсы государства оставались недостаточными. Общество, бывшее в значительной мере средневековым, сопротивлялось осуществлению идеалов полицейского государства, держалось за свои традиционные привилегии. Предложенная Т. Гоббсом модель могла его устроить лишь отчасти. Оно было готово признать факт договора, положившего начало государственному правопорядку. Вместе с тем концепция неограниченной верховной власти, способной обеспечить безопасность подданных, была неприемлема для средневековых элит. В сущности, это и обусловило концепцию естественных прав.

В этом заключался парадокс либерализма. Он предполагал ограничение государственной власти ее же средствами. Либерализм способствовал становлению концепции правового государства, несмотря на то что она основывалась на ценностях традиционного, в значительной мере феодального общества.

Либерализм разнообразен и изменчив. У него есть и национальные и региональные особенности. Помимо того, он существенно менялся с течением времени, что в полной мере сказалось на судьбе российского либерализма.

Его анализ затрудняется тем, что в интеллектуальной практике России XIX—начала XX века порой под либерализмом понимались совсем далекие друг от друга явления. Во-первых, имелось в виду идеологическое направление. Во-вторых, умонастроение части российского общества, рассчитывавшей на проведение политической реформы и одновременно боявшейся «революционных эксцессов». В-третьих, взгляды некоторых представителей высшей бюрократии, полагавших необходимыми широкомасштабные реформы, направленные на европеизацию России. В данном случае тесно соприкасались друг с другом философское и бытовое понимание термина.

Конечно, «либералы» в различном смысле этого слова были сторонниками реформ. Однако это не дает оснований игнорировать различия между ними. Под понятием «реформа» часто скрывались непохожие друг на друга явления. В силу этой причины не удивительно, что «правительственный либерализм» мог оказаться антилиберальным по своей направленности, а «либеральная общественность» могла беспощадно критиковаться одним из наиболее ярких представителей классического российского либерализма Б. Н. Чичериным. В наибольшей степени либерализм был непопулярен в консервативных кругах, в частности, Николай II говорил министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому: «Отчего могли думать, что я буду либералом? Я терпеть не могу этого слова».

Столь размытое понятие к началу XX века в значительной мере дискредитировало себя. Обычно

оно отождествлялось не с идеологическим течением, представленным выдающимися мыслителями второй половины XIX века, а общественными устремлениями части публики, настроенной «фрондерски», но не готовой к политическим действиям. Иначе говоря, бытовая трактовка термина становилась доминирующей. Примечательно, что сами русские либералы начала XX века в России предпочитали не называть себя так, хотя в то же самое время за границей они всячески подчеркивали свою принадлежность к либерализму.

Как идеологическое течение либерализм сложился в России в 1830–1840-е годы. В его основу легли идеи французских теоретиков (Ф. Гизо, Б. Констан, А. де Токвилль) и гегельянство. Эта концептуальная база позволила переосмыслить интеллектуальный опыт философии Просвещения и предложить национальный проект модернизации России, предполагавший поступательное развитие социально-политической системы. На первоначальном этапе российский либерализм получил наибольшее распространение в университетской среде. Впоследствии он упрочил свое влияние вместе с развитием и укреплением общественных институтов (кружков, общественных объединений, органов печати, местного самоуправления и т.д.). Историю либерализма в России в XIX—начале XX века можно разделить на два этапа: классический (1830–1890-е), неолиберализм (или новый либерализм) (конец XIX—начала XX века). Это деление очень условно. И в начале XX столетия в России

были носители традиций классического либерализма, который и в XIX веке не был статичен, но динамично менялся.

Классический либерализм, представленный такими мыслителями, как К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, А.Д. Градовский и др., был основан на теоретических построениях государственной школы историографии, в соответствии с которыми в России ключевой силой в историческом процессе было, как легко догадаться, государство. Оно способствовало развитию правовых, общественных институтов. Следовательно, и гражданское общество могло возникнуть лишь при активном участии правительственной власти. В силу этого представители классического либерализма выступали категорически против революционных потрясений, которые, подрывая государственные устои, нарушали естественный ход развития и могли ввергнуть Россию в анархию. Теоретики классического либерализма отстаивали эволюционный путь преобразований, позволявший постепенно расширять правовые гарантии политических и гражданских свобод каждого отдельного человека и со временем рассчитывать на установление в России конституционных порядков. При этом в соответствии с основными положениями этой концепции либеральные ценности несовместимы с демократическими, утверждающими безграничную гегемонию большинства, так как ключевая задача правового государства — отстаивание интересов индивидуума. Представители классического российского

либерализма отождествляли всеобщее избирательное право с охлократией. Они полагали, что участие в политической жизни страны должно быть сопряжено с социальной ответственностью, которая в первую очередь предполагает обладание определенным имущественным статусом. Более того, в 1860–1870-е годы именно либералы выступали против ограничения самодержавия, так как они считали, что российское общество не готово к конституционным порядкам. Их введение должно было стать результатом продолжительного социального развития. В этот период либеральные идеи отстаивались влиятельными периодическими изданиями (например, журналами «Вестник Европы», «Русская мысль» и др.), общественными объединениями (юридическими обществами, обществами грамотности, Литературным фондом и т.д.), земскими собраниями и органами городского самоуправления.

В условиях торжествующей «контрреволюции» царствования Александра III любое другое направление мысли, помимо консервативного, вытеснялось «на обочину». Это касалось и либерализма, который был тогда не на подъеме, осмысляя прошлое и подготавливая свое будущее. Никакого единого либерализма на тот момент не было, не было и либеральной партии, а только кружки, кардинально расходившиеся между собой, как писал ведущий публицист журнала «Вестник Европы» К. К. Арсеньев в начале 1880-х годов. В эти годы пришло время переоценить то, что прежде казалось естественным и привычным.

А.Д. Градовский отмечал, что понятия «свобода», «право» к концу XIX века «потускнели», лишились своего изначального обаяния. Проблема была в том, что разговор о правах и свободах продолжался его современниками в стилистике XVIII столетия. Тогда, накануне событий во Франции, это была настоящая интеллектуальная революция, за которой последовала революция политическая. Ситуация изменилась. Во второй половине XIX столетия такие слова казались трюизмом. И главное: они игнорировали зарождающуюся науку об обществе. Стало понятно, что социум — это живой изменчивый организм, а не просто механическая совокупность людей. Такое понимание способствовало популяризации социалистических учений — причем самых разных изводов, от революционных до сравнительно умеренных. Либералам приходилось приравниваться к новым вызовам времени.

В правительственных кругах на них продолжали смотреть искоса и даже враждебно. По оценке Б.Н. Чичерина, либерализм 1880-х годов казался правительству даже более опасным, чем марксизм. Последний виделся сугубо теоретическим течением: в этой связи он не слишком тревожил правительственных чиновников. По мнению Чичерина, как раз при попустительстве властей тексты К. Маркса получили широкое хождение среди учащихся. Едва ли Чичерин в данном вопросе в полной мере объективен. Однако он несомненно точно оценивал настроения консерваторов, которые опасались либерализма,

пожалуй, больше социалистических учений. Так, по мнению К.Н. Леонтьева, подлинная революция и есть либерализм, который грозит тотальной эмансипацией. Социализм, напротив (конечно, помимо своего желания), противодействует этой тенденции: «Социализм скоро... сделается орудием новой корпоративной, сословной... не либеральной и не эгалитарной структуры государства».

Эволюция любого идейного направления — дело небыстрое. Прежние взгляды, оценки и, главное, персоналии уживаются с новыми. По этой причине любое идеологическое направление не может быть однородным. Это относится и к российскому либерализму 1880–1890-х годов, переживавшему «переходный возраст». Тогда встретились два поколения. Одно принадлежало к эпохе Великих реформ, другое — к будущему, ко времени партийного строительства. Столпами либеральной мысли продолжали оставаться Чичерин, Градовский и др., не представлявшие политических партий. У каждого из них была своя линия. Но все же многое либералов этого поколения объединяло. Их теоретические построения основывались на признании безусловной ценности человеческой личности и одновременно с тем государственных институтов. Отчасти это сближало либералов «старой школы» с их консервативными современниками. Впрочем, «консерватизм» российского либерализма заметно отличался от того, что проповедовали К.П. Победоносцев или К.Н. Леонтьев. Так, по мысли А.Д. Градовского, консерватизм

заключается не в том, чтобы держаться за старое, за отмирающие традиции. Он подразумевает развитие — на основе многовекового исторического наследия. Ведь институты XV века не могут оставаться неизменными в XIX столетии. Важны не формы, а сам принцип. Именно институты государственности способствовали складыванию России. Они были ее остовом, без них она давно бы распалась. Соответственно, только правительственная власть могла гарантировать права человека. Альтернативой же существовавшему государству была не политическая свобода, но анархия.

Социальный порядок в версии Б. Н. Чичерина не подразумевал социальной справедливости. Он строился на неравенстве как естественном следствии исторического развития. Искоренить его невозможно. Это значило бы идти на намеренное разрушение правового уклада, альтернативы которому нет.

Русский либерализм этой волны подчеркивал свою связь с традицией и текущим положением дел. Он старался быть актуальным. Тем не менее оставался вопрос: что важнее — почва или время? При всей условности этой дилеммы, либералов конца XIX века можно разделить на две группы. Одни полагали необходимым учитывать историческую судьбу России. Другие делали акцент на вызовах времени.

Первые — это сторонники, говоря словами Чичерина, «охранительного либерализма», каковыми являлись сам Чичерин, Градовский и др. Они не могли всерьез рассматривать русский социализм, видя в нем

жалкую тень тех процессов, которые разворачивались в Западной Европе. Там речь шла о формировании «четвертого сословия» — пролетариата. Это было дело миллионов. В России же

несколько сот пропагандистов стараются разогреть восьмидесятимиллионную массу, в противность всей русской истории. Там социализм долгой работой выдающихся умов и великих талантов возведен в степень особой науки... Здесь — несколько плохих брошюр, странных прокламаций и снотворных журналов.

На животрепещущие вопросы эпохи следовало отвечать иначе.

Для того чтобы сформулировать ответы на новые вопросы, потребовалось десятилетие. По словам А.А. Кизеветтера,

вторая половина 80-х годов... была временем чрезвычайного обмеления общественных интересов. Все расселись по своим углам. Одни, по выражению Салтыкова[-Щедрина], начали «годить», другие и «годить» перестали и, ни о чем не загадывая, ушли с головой в однообразную канитель «малых дел».

Новое слово российские либералы сказали уже в 1890-е годы. В огромной степени это было связано с тем, что тогда заявило о себе *другое поколение*, родившееся в годы Великих реформ, учившееся

в толстовской гимназии*, поступившее в университет уже в годы царствования Александра III. Распространение грамотности, постепенная урбанизация, развитие адвокатуры, журналистики, издательского дела, органов самоуправления — подобные тенденции только набирали обороты. Это встречало растущее неприятие властей, которые безуспешно пытались контролировать поток жизни. Новое поколение пережило студенческие волнения 1889 года, а свою деятельность начало с кампании помощи голодающим 1891–1892 годов. Как раз среди представителей общности этой генерации появились сторонники *«нового либерализма»*.

Конечно, едва ли он бы сложился, если бы не общеевропейский интеллектуальный контекст. Конец XIX века стал временем пересмотра основных положений либерализма в Старом Свете. Западноевропейские страны вынужденно расширяли круг лиц, имевших право участвовать в выборах. Массовость избирателя подразумевала изменения и в партийной системе. Либералы не могли пройти мимо социальной проблематики, если хотели сохранить за собой депутатские кресла. В либеральном учении следовало выделить главное, что не подлежало ревизии. Прежде всего речь шла о самоценности человеческой личности, правовая свобода которой должна быть гарантирована государством. Это подразумевало со стороны

* Имеется в виду классическая гимназия, преобразованная Д. А. Толстым в бытность его министром народного просвещения (1866–1880).

правительства и сбалансированную социальную политику. Гражданину должны были быть обеспечены комфортные условия для самореализации, что требовало от властей активного вмешательства, в том числе в экономические процессы. Не могло быть и речи о государстве как «ночном стороже». В новых обстоятельствах власть должна была гарантировать человеку не просто право на жизнь, а право на *достойную жизнь*. Данное понятие включало в себя многочисленные социальные обязательства правительства. Соответственно, прав у человека становилось больше. Он должен был получить право на образование, медицинское обеспечение, достойный досуг и др. За все это отвечало государство, которое становилось регулятором правоотношений. В ряде случаев перед ним стояла сложная задача решить, какое право человека приоритетно, какое — нет. Иногда можно было пожертвовать и некогда священным правом на собственность. Как раз в связи с этим английский мыслитель, социолог, политический деятель Дж.С. Милль поставил вопрос о том, что собственность подразумевает не только права ее владельца, но и обязательства с его стороны. Частная собственность должна работать на общество, а не мешать его развитию. Эти положения составляли не только избирательную платформу политических партий, но и программы западноевропейских правительств, которые не боялись идти на широкие социальные реформы.

В России конца XIX века о практической реализации подобной программы речи быть не могло. Перед

молодыми представителями российского либерализма стоял вызов иного рода. Они должны были предложить повестку, приемлемую для их сверстников, так или иначе увлеченных идеями социализма. Причем нередко грань, отделявшая либералов от социалистов, была еле заметной. В сущности, речь идет о разных сторонах одного общественного движения, в котором пока не произошла идеологическая дифференциация. Перед каждым его представителем стоял вопрос о приоритетах. Отдавая предпочтение политическим вопросам, он не отказывал в актуальности социальным или экономическим проблемам. Его идеологические предпочтения в огромной степени сводились к выбору иерархии ценностей.

Делая выбор в пользу прав человека, либерал должен был решить непростую задачу: есть ли у общества право на борьбу с властью. Можно ли, отстаивая закон, бороться с существовавшими законами? В юриспруденции того времени господствовало позитивистское понимание права, согласно которому законы — это воля действующей власти. Такая точка зрения исключала возможность оппозиции в самодержавной России. Либеральная мысль конца XIX века предложила иной ответ на вопрос о природе права. Именно тогда начала складываться школа так называемого *возрожденного естественного права*. Ее сторонники (например, В.М. Гессен, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой) полагали, что законы должны соответствовать бытующим в стране представлениям о справедливости. По словам Е.Н. Трубецкого,

естественное право вообще не включает в себе никаких раз навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи.

Законы должны соотноситься с общественными идеалами, которые, в свою очередь, не стоят на месте, а постоянно меняются. Если этого не происходит, власть застывает в своем развитии, отказывается реагировать на вызовы времени, возникает трагический разрыв между действующим законодательством и общественными представлениями о том, каким должно быть право. Такая пропасть с каждым годом углубляется. Перекинуть мост между расходящимися берегами становится невозможным. В итоге действующая власть стремительно утрачивает обаяние, перестает быть справедливой в глазах большинства. Правительство оказывается тираническим, насилие — основным инструментом управления. Однако каков бы ни был арсенал репрессивных средств, он становится недостаточным в условиях тотального одиночества власти. Осознание ее нелегитимности влечет за собой крушение режима, а потом и перестройку всей правовой системы. По словам Ф. Ф. Кокошкина,

неудовлетворенное общественное правосознание ищет себе иного выхода помимо существующей законодательной власти и создает новое право через посредство иных органов или существовавших ранее,

но не обладавших законодательной властью, или совершенно новых, созданных общественным движением. Эти органы провозглашают новые юридические нормы, которые санкционируются в той или иной форме общественным мнением и этим путем превращаются из выражения правосознания отдельных лиц в положительное право.

В этих обстоятельствах следовало точно диагностировать: что воспринимается большинством населения справедливым, соответствующим представлениям о праве. Естественно, никаких объективных критериев для этого не было. Приходилось довериться собственной интуиции. Молодое поколение российского либерализма полагало неслучайной общеевропейскую популярность социалистических учений. Казалось, это была не просто интеллектуальная мода, а общественный идеал, который вынуждены учитывать сторонники самых разных взглядов. Общественный идеал — это не то, что подлежит реализации, а то, что является коллективной мечтой всего поколения.

Каков же общественный идеал, по мнению сторонников нового либерализма? Они исходили из взаимообусловленности либеральных и демократических ценностей, что ставило вопрос о необходимости расширить перечень гарантированных гражданину свобод. Как раз в связи с этим был поставлен вопрос о праве человека на «достойное существование», о чем впервые отчетливо сказал в своих работах философ Вл. Соловьев, как и о социальной функции

собственности, которая должна служить не только ее обладателю, но и всему обществу. Это, в свою очередь, предполагало активную роль государственной власти как регулятора правоотношений — политических, экономических, социальных. Она могла активно вмешиваться в хозяйственную деятельность граждан и даже в случае необходимости проводить политику национализации частной собственности. Наконец, государство, претендующее на выражение интересов большинства, должно было демократизироваться, гарантировав политические права всем своим гражданам.

1890-е годы стали рубежными в истории русского либерализма. Тогда были сформулированы принципы и идеи, получившие дальнейшее развитие в последующие десятилетия. Было предложено новое понимание государства, собственности, права, революции, реформ и т.д. Все это станет основанием будущих политических объединений: «Союза освобождения», Конституционно-демократической партии, партий демократических реформ, прогрессистов и др. Так начинался политический двадцатый век — исподволь, не всегда заметно, неизменно отдавая должное веку девятнадцатому.

Политическое учение — это не столько доктрина, сколько эмоции и ассоциации, которые она вызывает у своих адептов. У идеологии есть своя среда обитания. Земский либерализм чичеринского извода прочно осел в дворянском поместье, в земском собрании, в московской усадьбе. Политический либерализм

кадетского толка нашел себе пристанище на университетской кафедре, в редакции газеты или журнала.

В мае 1878 года Б. Н. Чичерин, вернувшийся из-за границы в свой родной «Караул», писал старому приятелю А. В. Станкевичу:

Уже Тамбов произвел на меня какое-то успокоительное впечатление. Пошел гулять по берегу реки и вспомнил свое детство и прежние прогулки весной, вечернее зарево, возвращение городского стада, переплывающего через реку. Везде по берегу маленькие домики с сидящими у ворот обывателями и бегущими перед ними детьми. Все это представляло мне картину мирной и блаженной жизни в провинциальной глуши, и мне самому захотелось пожить такой жизнью. Но это была только праздная мечта. Дома меня тоже ждали впечатления мирной сельской жизни, но при совершенно иной обстановке, среди роскоши, от которой я в Москве стал было отвыкать. Все здесь показалось мне отменно хорошо: отличный дом, отличный сад, отличный вид, отличные сливки, отличное масло, отличные раки, отличные дупеля — и это все свое. Одного здесь нет, что есть в Москве. Это отличных друзей, и это одно, что привлекает меня в Москву и заставляет желать провести там будущую зиму.